

ственным. Но у него не было паспорта, и накануне произошло убийство царя. Власти должны были радеть о безопасности страны и не допускать в Россию опасную личность, возможно, террориста. Кто мог подтвердить нравственные качества этой личности? Таким авторитетом обладал один Тургенев. Впрочем, он пользовался им и в иного рода случаях, когда, например, в следующем году ходатайствовал перед префектом полиции Камескасом за революционера Петра Лаврова, подчеркивая его честность и надежность.⁴

Доде, указывая художнику-пейзажисту на своего друга Тургенева, прекрасно понимал, что он был тем самым необходимым человеком. Два Ивана встретились в течение апреля 1881 года. 30 числа Тургенев написал прошение русскому послу Николаю Орлову, бывшему в числе его близких друзей, что д'Альгейм «решительно чуждался политики» и «никогда не занимался ничем иным, кроме искусства».⁵

Mon cher Tourguénef,

Un vieil ami, M. d'Alheim, peintre de grand talent et votre compatriote, désire vous être présenté et vous demander quelque chose. Supposez que c'est moi qui viens chez vous et faites-lui votre bon sourire.

Vous obligerez

Votre Alphonse Daudet.

avril 81.

Перевод:

Мой дорогой Тургенев,

Один мой старый друг, г-н д'Альгейм, очень одаренный художник и ваш соотечественник, желает быть представленным вам и кое о чем вас попросить. Представьте, что это я появлюсь у вас, и одарите его вашей доброй улыбкой.

Тем вы обяжете

Вашего Альфонса Доде.

Апрель 81.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1968. Т. 13. Кн. 1. С. 83.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-97-101

ФРЭНК ГАРРИС. ИВАН ТУРГЕНЕВ. МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

(ПУБЛИКАЦИЯ © ВАСИЛИЯ МОЛОДЯКОВА (ЯПОНИЯ))*

Плодовитый англо-американский прозаик и журналист Фрэнк Гаррис (Харрис) (1856—1931) получил наибольшую известность благодаря книгам о Шекспире и Уайльде, а позднее прославился скандальными воспоминани-

* Перевод очерка выполнен © М. А. Ковалевым по изданию: *Harris F. Contemporary Portraits*. New York: Brentano's, 1923. Fourth Series. P. 51—55.

ями о своих любовных похождениях, частично выдуманных.¹ В России его знают главным образом как автора повести о чикагских анархистах «Бомба». Оскар Уайльд посвятил ему комедию «Идеальный муж», но заметил: «Фрэнк был приглашен во все лучшие дома Лондона — по одному разу».² Гаррис имел репутацию — и сам ее активно поддерживал — беспашабадного донжуана, скандалиста, публично обсуждавшего в викторианской Англии «вопросы пола», радикала, выступавшего на стороне ирландских автономистов, социалистов и суфражисток. Его считали хвастуном, лжецом, клеветником и шантажистом — а также отличным редактором и критиком, талантливым беллетристом, тонким психологом, блестящим собеседником и верным другом своих друзей.

Особое место в обширном литературном наследии Гарриса занимают пять томов «Современных портретов», выходявших с 1915 по 1927 год. По жанру это нечто среднее между интервью и мемуарным очерком, живой рассказ о встречах автора со знаменитыми людьми, с которыми он был знаком долгое время или встречался всего однажды — или не встречался вовсе. Репутация мистификатора бежала впереди Гарриса: он точно не встречался с Рихардом Вагнером (хотя вскоре после смерти композитора собирал сведения о нем там, где он жил), а Томас Карлейль, если и принимал его, то едва ли откровенничал с незнакомым юнцом о своих интимных проблемах. Но с большей частью героев Гаррис общался на самом деле, дружил или враждовал, что придает его «портретам» не только литературную, но и мемуарную, историческую ценность. Мастерски освоенный им жанр повлиял на многие позднейшие книги, включая «Блики великих» его друга Джорджа Сильвестра Вирека.

Очерк о Тургеневе можно назвать историей «невстречи». Раскланивались ли они в самом деле на мосту в Буживале или автор все придумал? Этого мы не узнаем, но у Гарриса хватило такта не вкладывать в уста собеседника интимные откровения о жизни в семье Виардо. Много ли прибавляет этот текст к нашим знаниям о Тургеневе? Возможно, немного, но служит напоминанием о талантливом «портретисте», «натурой» которому из русских служили Кропоткин и Горький, Троцкий и Чичерин. Да и «моментальная фотография» может быть настоящим искусством.

Большинству моих читателей известно, что редакторская работа, которой я занимался в Лондоне на протяжении четверти века, дала мне возможность познакомиться со многими людьми, знаменитыми тогда или прославившимися впоследствии. Но это еще не все. Я преисполнился решимости свести знакомство с как можно большим числом именитых людей еще с тех пор, как отправился в Париж в 1877 году.

〈Джон〉 Китс где-то рассказывает о своем религиозном трепете перед великими людьми. Признаваться в таком страстном поклонении можно и не

¹ Из обширной, но неравноценной и зачастую недостоверной литературы о Гаррисе, умело мистифицировавшем биографов, наибольшего внимания заслуживают: *Tobin A. I., Gertz E. Frank Harris: A Study in Black and White. Chicago, 1931* (написана при жизни Гарриса и при его участии, но с критическим отношением к свидетельствам героя); *Pullar P. Frank Harris. A Biography. New York, 1976* («стандартная» биография, игнорирующая, однако, некоторые важные источники и знакомства героя). Также см.: *Молодяков В. Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь (1884—1962). М., 2015* (по указ.).

² «Yes, dear Frank, we believe you have dined in every house in London — once» (*Rothenstein W. Men and Memoirs // The Spectator. 1931. 21 Feb. P. 23*). Также см.: *Молодяков В. Джордж Сильвестр Вирек. С. 194.*

будучи Китсом. Но многие из моих встреч с великими людьми закончились неудачей, и сейчас я решился рассказать об одной из них — той, которая, как мне кажется, оказалась неудачной лишь по моей вине.

Бывают в жизни события, которые выявляют в человеке незрелость, и когда он вспоминает о них годы спустя — его охватывает стыдливое изумление.

Некоторое время летом 1880 года, дважды, а то и трижды в неделю, на мосту в Буживале я встречал высокого, хорошо одетого мужчину.

Тем летом я жил в маленьком загородном доме в Аржантёе. Излюбленный путь моих утренних прогулок пролегал вдоль берега Сены, а затем через этот мост. Высокий человек появлялся с другого берега реки, и нам часто доводилось молча разминуться на мосту. Однажды я спросил у него, который час, и он ответил. Должно быть, его позабавил мой хромающий французский.

«Вы англичанин?» — спросил он, а когда я ответил, что американец — явно заинтересовался.

При следующей встрече он с улыбкой поклонился, я остановился, и мы обменялись несколькими фразами. И вдруг он сказал: «Нам следовало бы познакомиться. Моя фамилия Тургенев».

Я приподнял шляпу: «С огромным удовольствием, это большая честь. Моя фамилия Гаррис не известна никому, я ничем себя не проявил. А Ивана Тургенева знает каждый».

«Вы еще молоды», — вежливо заметил он, растопив ледок скованности. Не прошло десяти минут, как выяснилось, что столь же хорошо, как французским, он владеет английским и немецким. Это позволило мне свободнее поддерживать беседу. Я поспешил рассказать, насколько сильно меня восхищают «Записки охотника», а также «Отцы и дети» и что, по моему мнению, созданный им образ прагматика Базарова не менее важен для мировой литературы, чем Гамлет или Дон Кихот. Восторженные излияния вызвали мимолетную улыбку в его глазах, но отвечал он немногословно.

Спокойное лицо, увенчанное короной седых волос, казалось грустным. Я не мог понять, в чем причина. В то время мне и в голову прийти не могло, что по мере того как вместе с прожитыми годами нас покидают иллюзии, лишь самые смелые сердцем могут смотреть в прошлое без сожалений, а в будущее — без мрачных предчувствий.

Высокий рост, крупный, безупречной формы нос и массивный подбородок придавали ему вид надменной аристократичности, в то время как взгляд из-под прямых бровей отличался любопытством, свидетельствуя, наряду с полными чувственными губами, о разносторонней личности.

Однажды он тихим голосом заинтересовался, знаком ли я с семейством Виардо. «Имя этой замечательной певицы, — ответил я, — мне известно, но я не имею чести быть знакомым с ней лично». Вероятно, он почувствовал, что я говорю без домислов и ехидства, и кротко сказал, что сейчас живет у них, что рассказывал им обо мне и что они будут рады, если я зайду пообедать. Но я отказался, сославшись на болезненную стеснительность, вызванную слабым умением изъясняться по-французски и акцентом, который считаю ужасным, заметив, что для меня это все равно, что появиться на людях в безобразно сидящем, дурно сшитом костюме. Получилось довольно неуклюже, судя по тому, насколько явно он был удивлен, когда я выложил всю эту правду. Он улыбнулся, словно это его позабавило, и возможность была утрачена навсегда.

Должно быть, на протяжении месяца или около того мы встречались два-три раза в неделю, и каждый раз, пройдя мост до его стороны, я приподнимал шляпу и откланивался.

Я знал, что Тургенев — великий человек, но понятия не имел, как завоевать его доверие или вызвать его на откровенность. Он был неизменно вежлив и обходителен, но эта вежливость создавала некоторую отчужденность. Я смутно чувствовал, что словно стою снаружи и не понимаю, как попасть внутрь. Будь он не так формально вежлив — может быть, я бы и попытался.

Много лет спустя в Лондоне, уже занявшись сочинительством, я перечитал его произведения и только тогда осознал, чего лишился. Вопросы нахлынули и стали тесниться в моей голове — вопросы, которые наверняка заинтересовали бы его и побудили дать захватывающие ответы — но увы! Слишком поздно, возможность была утрачена навсегда.

Кто-кто, а Тургенев знал толк в любви. В одном из романов он готовит читателя на протяжении сотни страниц, прежде чем представить героиню; должно быть, он был в нее влюблен. Может, это Полина Виардо? Я всегда представлял себе, что это она — в героине было что-то очень необычное — хотя, конечно, это всего лишь моя догадка. Или взять «Первую любовь» — исследование юношеской влюбленности. Неужели все крупные мужчины в подростковом возрасте трусливы в любви в физическом смысле? У Шекспира нет ни следа застенчивости, как нет ее и у Гейне, но оба они были невелики ростом.

Мне хотелось расспросить Тургенева о Рудине, прирожденном рассказчике: почему он вывел его таким молодым и несимпатичным? Может быть, он намеренно говорил о самом себе, изображая Рудина? Мне казалось, что это так, ведь Тургенев даже по-французски выделялся красноречием, и при этом сам заявляет нам о том, что считает русский язык если не величайшим, то одним из самых великих языков в мире. Так почему же он не вложил блестящих речей в уста Рудина? Он рассказывает, что Рудин замечательно красноречив, но не приводит никаких подтверждений. Тем самым он фактически признается в том, что настолько отождествлял себя с Рудиным, что не заметил этого упущения. Ведь Тургенев был великим художником, а великие художники подобных промахов не допускают. Когда Бальзак описывает З. Маркаса, он не забывает вкладывать в уста героя оригинальные идеи об общественном устройстве и жизни. Точно так же, рассматривая Тургенева Рудина лишь как персонажа, он с большим удовольствием окутал бы своего героя волшебством необыкновенных и вдохновляющих мыслей или, по крайней мере, дал бы ему рассказать одну-другую захватывающую историю.

Опять-таки почему Тургенев проявлял так мало интереса к русскому крестьянину, почему он держался так отчужденно от социальных проблем? И почему он столь преувеличенно восхвалял Толстого? Ведь христианство, образно говоря, стало для этого писателя шорами, а нарочитая мораль настолько навредила «Анне Карениной» как произведению искусства, что сам я вряд ли смогу когда-нибудь простить такую измену идеалу.

Я вспоминаю, как посмертно опубликованные письма Тургенева к русским друзьям наделали невероятного шума в Париже. В этих письмах он предстал человеком, говорящим свысока о Доде, Золя и других французских авторах, как если бы Шекспир отзывался о Флетчере или Деккере. Доде и Золя пришли в ярость и, зацепившись за два-три покровительственных слова Тургенева о Флобере, стали рвать его на части, вопрошая: «Неужели этот русский всерьез считал себя более великим, чем Флобер?»

Они восприняли желание Тургенева, чтобы к нему относились с должным почтением, как некое предательство дружбы: «А ведь мы были так к нему добры», — и стали твердить: «Мы его, если можно так выразиться, выделяли среди соратников по ремеслу, а он все это время за нашей спи-

ной принижал нас, высокомерно отзываясь о самых лучших из нашего круга».

Я не усматриваю в его письмах ничего подобного. Французы не видят дальше собственного носа: Тургенев несравнимо более важен, чем Золя или даже Флобер, и он честно высказывал свое отношение. С чего бы ему, даже из мягкосердечия, изображать благоговение, которого он не испытывает?

Как все поистине великие люди, он был очень великодушен по отношению к соперникам, и я полагаю, что его похвалы Толстому преувеличены. Я все время задаюсь вопросом, как он относился в душе к Достоевскому. И мне ужасно, ужасно, ужасно жаль, что наша встреча не состоялась на десять лет позже — быть может, тогда я оказался бы ближе к его уровню и мне удалось бы свести близкое знакомство.

Если ад вымощен благими намерениями, то свод, который закрывает от него небеса, наверняка возведен из утраченных возможностей удовольствия, данного человеку, что гораздо хуже.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-101-112

© В. А. ЛУКИНА

НЕИЗВЕСТНЫЙ И. С. ТУРГЕНЕВ: О НОВОНАЙДЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ

Практически всю вторую половину своей жизни И. С. Тургенев прожил за границей, большей частью во Франции, где он умер и где остался его огромный личный архив, накапливавшийся в течение десятилетий и унаследованный, согласно завещанию писателя, единолично Полиной Виардо.¹ Судьба «парижского архива» Тургенева складывалась весьма непросто:² после смерти певицы в 1910 году он перестал существовать как единое целое, будучи объединен с бумагами семьи Виардо и затем разделен (в равных долях) между наследниками. В ходе дальнейшего неизбежного раздробления архив Тургенева оказался распылен среди потомков Полины Виардо (сначала среди внуков, затем правнуков и праправнуков), часть его в результате распродажи попала в руки коллекционеров и в различные архивохранилища. Из последних следует особо выделить Национальную библиотеку Франции, которая в начале 1950-х годов приобрела крупнейшее на сегодняшний день собрание автографов из тургеньевского «парижского архива».³ Немалая его часть, однако, до сих пор остается неизвестной исследователям.

Необходимо признать, что последние десятилетия прошлого, как и начало нынешнего, XXI века, принесли тургеньоведам немало подлинных открытий, не в последнюю очередь в связи с тем, что на аукционный рынок из

¹ Неоднократные попытки приобрести архив для одного из архивохранилищ в России (в том числе для Публичной библиотеки в Петербурге) не увенчались успехом. Об этом см.: Алексеев М. П. По следам рукописей Тургенева во Франции // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 309—313 (впервые: Русская литература. 1963. № 2. С. 58—85).

² Об этом см.: Лит. наследство. 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 6—9.

³ См.: Алексеев М. П. По следам рукописей Тургенева во Франции. С. 315—327.